

М. Я. СЮЗУМОВ

ЭКОНОМИКА ПРИГОРОДОВ ВИЗАНТИЙСКИХ КРУПНЫХ ГОРОДОВ

Большой византийский город экономически был связан с подгородным районом, который должен был в основном снабжать население города необходимыми продуктами питания и т. п. (Πάσαν ἀφορμὴν εὐζωίας τοῖς πόλεσιν δωρούμενα)¹.

В условиях, когда национального рынка еще не существовало, когда экономическое единство Византии, естественно, отсутствовало, города с прилегающими к ним районами были разьединенными товарно-хозяйственными центрами, находившимися в окружении сельских районов, где хозяйство продолжало оставаться натуральным. Самое развитие товарных связей в феодальном обществе было неравномерным: незначительным на большей части территории страны и весьма оживленным в районах больших городов².

Как в античных государствах, так и в Византии окрестности городов в административно-правовом отношении включались в состав городского района. Горожане владели участками земли на территориях, прилегающих к городу; жители пригородных и подгородных районов в свою очередь как бы находились в черте действия городского права.

Византийские источники нигде точно не определяют пригородного района столицы, не раскрывают его административного устройства. Арабские авторы сохранили сведения о наличии вокруг города Константинополя особой фемы Taфра-Tаблап-Tалаја.

По сообщениям Ибн-Хордадбега и Ибн-ал-Факиха (IX—X вв.), существовала провинция Тафла с Константинополем. Границами ее служили на востоке — пролив от Хазарского до Сирийского моря, на юге — Сирийское море. От Сирийского до Хазарского моря построены Makrup Tichos, т. е. Длинные стены. Они имеют в длину 4 дня пути и отстоят от Константинополя на 2 дня пути³.

Известия Ибн-Хордадбега дополняет Масуди, который пишет, что большая часть земель этой провинции принадлежит императору и патрициям и используется в качестве пастбищ для их скота⁴.

Арабские писатели сочли особое правовое положение пригородных

¹ PG, t. 109, col. 532.

² См. мою статью „Роль городов-эмпориев в истории Византии“. ВВ, т. VIII, 1956, стр. 27—28.

³ Прокопий несколько иначе определяет положение Длинные стен: „Они построены на расстоянии 40 миль от Константинополя и имеют в длину два дня пути“ (Prosopii Caesariensis De aedificiis. Bonnae, 1838).

⁴ H. Gelzer. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig, 1899. In: Abhandlungen der Philol.-Histor. Classe der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaft. Bd. XVIII, N° 5.

районов столицы за признак того, что они образуют якобы некий административный район, фему Tafla.

Этимологию этого странного слова выяснил А. Грегуар: по его мнению, слово „Тафла“ (Табла) происходит от греческого *κόμης τῶν σταύλων*. Дело в том, что в окрестностях Константинополя было расположено большое число императорских конюшен, вследствие чего предместья Константинополя находились во многих отношениях в ведении начальника конюшен⁵. Нам кажется, что подобное истолкование смысла слова „Тафла“ и разъяснение вопроса о происхождении известия относительно фемы вокруг Константинополя заслуживают признания^{5а}.

Арабские путешественники, будучи людьми, связанными с торговыми делами, прекрасно были осведомлены об экономических особенностях пригородных районов столицы, и, поскольку *κόμης σταύλων* действительно имел широкие полномочия в районе императорских поместий, арабы могли думать, что этот район находился под его административной властью.

По Ульчиану, юрисдикция префекта Рима распространялась на территорию в 100 миль в окружности⁶. Этот порядок распространялся и на Константинополь⁷. Окрестности Константинополя на запад от города были ограждены Длинной стеной, построенной Анастасием. Это был основной пригородный район Константинополя.

Однако в VI в. и район западнее стен назывался „городской“ территорией (*ἀστική*)⁸. Вся эта местность должна была находиться в ведении епарха Константинополя.

С VIII в. положение стало изменяться. Власть городского епарха, расправившись в связи с упразднением должности *praefectus praetorii*.

Если в IV—VI вв. юрисдикция епарха в делах ремесла и торговли ограничивалась городской территорией⁹, то в X в. она простиралась и на территорию, находившуюся за пределами города. В Книге епарха имеется косвенное указание о праве епарха производить следствие по делам аргиропратов и вне города¹⁰.

Право епарха регулировать торговлю вне городских стен показывает ст. IX, 6. В ст. XV, 3 епарху предоставляется право наблюдения за торговлей вплоть до реки Сангария (т. е. Никомедии). Поскольку власть *praefecti praetorii* перешла к *praefecto urbi*, „городская“ юрисдикция епарха, распространенная на 100-мильную полосу вокруг столицы, превратилась в юрисдикцию относительно *τέχην* в широком смысле слова. Характерно, что, согласно *Ecloga Basilicorum*, компетенции епарха подлежало ремесло вообще (*ὁ ἐπαρχὸς ἐξουσίαν ἔχει ἐπὶ πᾶσι τοῖς συστηματικοῖς καὶ ιδιώταις τέχην οἰκονομίας μετερχομένοις*)¹¹.

⁵ H. Gregoire. La thème byzantine de Tafla-Tablan et le *κόμης τῶν σταύλων*. „La Nouvelle Klio“, 4, 52.

^{5а} A. Pertusi (Il preteso thema bizantino di Talaya (O Tajala o Tafala) e la regione suburbana di Constantinopoli. BZ, Bd. 49, 1956, S. 85) производит Talaya от *ἀλλήγων*. Это правдоподобно, но не может объяснить происхождения формы Tafla Хордабеха.

⁶ Dig., 1, 12, 1, 4: „Si quid intra centesimum miliarium admissum sit ad praefectum Urbi pertinet“.

⁷ Cod. Just., XI, 21; Bas., LIV, 23; VI, 4, 2.

⁸ Прокопий. Война с готами, III—VII, 40, 43, М., 1950.

Агафий, описывая поход славян к Константинополю, сначала рассказывает о разорении окрестностей города („даже окрестности столицы терпели бедствия от варваров“), после чего мы читаем у него: „Пройдя дальше, они легко преодолели Длинные стены и подошли к укреплениям, расположенным внутри...“ (Агафий. О царствовании Юстиниана, М.—Л., 1953).

⁹ Bas., VI, 4, 13.

¹⁰ Книга епарха, II.

¹¹ См. также Песра, LI, 29.

Право эпарха разбирать судебные дела в сфере торговли и ремесла в 100-мильной полосе было распространено и на провинцию — рассмотрение этих дел стало особой функцией эпарха в государственном масштабе.

Положения о 100-мильной полосе в некотором отношении сохранили силу и в XI в. В Пире патрикий Евстафий разъясняет, что в Риме город был ограничен 100-мильной полосой, и добавляет: „τοῦτο δὲ καὶ νῦν ἐγγίνεται...“ (Πεῖρη, LI, 9').

Пригородным районом столицы и в XII в. считалась окрестная территория, примерно, в таком же радиусе. В новелле Мануила от 1158 г. перечислялись „пригородные“ монастыри — κατ' αὐτὴν τὴν βασιλίδι τῶν πόλεων διακείμενοι¹².

Император закрепил за этими монастырями различные привилегии. При этом он называет „пригородными“ монастыри, расположенные на малоазиатском побережье (вплоть до г. Никомедии) и на островах, включая Принцевы острова; на европейской же стороне — вплоть до городка Афиры. Местоположение последней довольно точно определено Прокопием в его труде „О постройках“ (IV, 8). Афира находилась западнее Региа, т. е. почти у Длинных стен. Так как далее простиралась территория, входившая в фему Фракии и Македонии, то этот городок может считаться крайним на европейском побережье пунктом „городского“ округа. В источниках имеются также косвенные данные о его границах, а именно: когда император возвращался из похода или из путешествия со стороны Малой Азии, городской эпарх должен был его встречать в Полеатиконе, расположенном на расстоянии около 30 км южнее Константинополя (по морскому берегу)¹³. Это был самый отдаленный пункт на азиатском берегу. С запада же эпарх города встречал императора либо у Θεόλογος (гавань на берегу Пропонтиды), либо у Hebdomon, либо у Региа. Это πρόστειον τῆς πόλεως. Именно сюда прибыл император Иоанн Палеолог, возвращаясь с Флорентийского собора¹⁴.

В византийских юридических документах мы не находим данных относительно отличий в правовом отношении жителей городов и жителей предместий. Крупные византийские торговые города не превратились в аристократические республики, как города фемы Далмации [в Катаро, например, существовали резкие разграничения в правовом отношении между cives (городское население), с одной стороны, и comitativus и districtualis (население пригородов)]¹⁵ — с другой].

В Византии право гражданства жителей городов не имело такого значения, как в городских республиках Италии. Тем не менее, фактически существовало известное юридическое отличие жителя данного города, особенно столичного, от иногороднего. Это отличие распространялось и на жителей пригородных районов.

В комментариях к Номоканону Вальсамон отмечает случай, когда закон имел силу только в Константинополе и в его окрестностях: „Этот закон действителен только для столицы и ее округа“ — ταῦτα δὲ κρατεῖ ἐν μόνῃ τῇ βασιλευούσῃ καὶ τῇ ἐνὸρίᾳ αὐτῆς¹⁶. Жители окрестностей города, включенные в состав городского района, облагались общими повинностями горожан — „живущий не в городе, а в окрестности его выполняет

¹² Jus, t. III, p. 450.

¹³ De cerimoniis. PG, t. 112, col. 937.

¹⁴ R. Janin. Constantinople byzantin. Paris, 1950, p. 415.

¹⁵ Cp. Statuta et leges civitatis Cathari. Venetiis, 1616; I. Sindik. Komunalno uredjenje Kotora. Beograd, 1950, p. 36—41.

¹⁶ Номоканон Фотия, Комментар. VI, 1, изд. Нарбекова, Казань, 1839.

повинности так же, как если бы жил в самом городе": *οἱ οἰκοῦντες ἐν ἐνορίᾳ πόλεως τινι ὡς μέτοικοι λειτουργοῦσι καὶ τιμὰς πράττουσι, ὅρα οὖν ὁ μὴ οἰκῶν ἐν αὐτῇ τῇ πόλει, ἀλλ' ἐν τῇ ἐνορίᾳ αὐτῆς, οὕτως λειτουργεῖ, ὡς ὁ ἐν αὐτῇ τῇ πόλει οἰκῶν*¹⁷. Хотя жители пригородов и считались горожанами, но к ним относились с некоторым пренебрежением. В известном стихотворении Продрома жена поэта в гневе на мужа говорит, что ему следовало бы жениться на какой-либо грязнуле из пригородов! Жалкая беднота ютилась в хижинах за городскими стенами, в предместьях¹⁸.

Как видно на примере Фессалоники, городское население образовывало ополчение *τὸ στρατιωτικόν*, а население подгородных сел — *τὸ πλυχνικόν*¹⁹. Во время нападения врагов на город Фессалонику это деревенское население не могло быть привлечено к обороне, так как находилось на уборочных работах.

Тесная связь пригородных сел с городом не ограничивалась, таким образом, торговлей, а носила также административно-военный характер.

Для защиты города во время осады привлекалось большое ополчение *μέγα ἀλλάγιον*²⁰. По закону Юстина, такое ополчение *τὸ περὶ τὴν πόλιν ἐπιτικόν* не обязано было выходить в поход: оно должно было защищать только свой город²¹. "*Χωρῖτι ἐξῶθεν τῆς πόλεως*" в районе 100-мильной полосы считались горожанами Константинополя и подчинялись юрисдикции городского епарха или судебных учреждений города. Это правило распространялось и на сенаторов, которые жили в предместьях города (в противоположность сенаторам, жившим в провинциях — *οἱ συγκλητικοὶ ἐν ταῖς χρηματικαῖς ὑποθέσεισιν, ἐν μὲν Κωνσταντινουπόλει ὄντες, ἢ ἐν τοῖς προαστείοις αὐτῆς, πλὴρὰ μόνῳ τῷ ἐπάρχῳ... ἐπάγοντι*)²². Жители окрестностей столицы противопоставлялись крестьянам прочих местностей страны. В Пире приводится разъяснение патрикия Евстафия о том, что хориты, т. е. крестьяне, живущие в пределах 100-мильной полосы в окрестностях города, не имеют тех привилегий, которыми пользуются крестьяне остальных районов страны. Новеллы X в., ограничивавшие права динатов на покупку крестьянских земель, не относились, однако, к крестьянским землям, расположенным в окрестностях столицы²³.

В Пире говорится также об обязательном возвращении крестьянам-беднякам незаконно купленной у них земли, и тут же прибавляется, что это не относится к „политам“, „горожанам“. Очевидно, под „политами“ имелись в виду крестьяне-собственники пригородных участков земли²⁴.

Смысл такого толкования новелл X в. Пирой вполне ясен: столичная сановная знать и разбогатевшие столичные землевладельцы стремились поддерживать законодательство, ограничивавшее права провинциальных динатов, но совсем не склонны были ограничивать свои права и возможности собственного обогащения. В хозяйственном отношении пригород-

¹⁷ Bas., 54, 2, 3 — Cod. Just., X, 40, 3.

¹⁸ Данные относятся к VIII в. PG, t. 116, col. 360.

¹⁹ PG, t. 116, col. 1280—1292.

²⁰ По А. Гейзенбергу („Aus der Geschichte der Paläolog. Zeit“, 1920) — это сторожевой отряд около Константинополя; по Дельгеру („Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges“. München, 1948, 50, 2) — вообще полевой военный отряд, действующий вне города, но защищающий город.

²¹ Theophylacti Simocattae Historiarum libri octo, VII, 3. 4.

²² Bas., 7, 5, 90 — Cod. Just., III, 24, 2.

²³ „Οτι ἐκὰτὸν μιλίων ἡ πόλις ὀρίζεται. τοῦτο ἐλέγεν ὁ πατρίκιος ἐπινοηθῆναι τὴν Ρωμὴν... ἐνομοθέτησεν ἡ σύγκλητος ὅχις ἐκὰτὸν μιλίων τοὺς οἰκοντες ἐκτὸς τῆς πόλεως πολίτας ὀνομάζεσθαι. Τοῦτο δὲ καὶ νυν ἐγένετο. οἱ γὰρ ὅχις ρ' μιλίων οἰκοντες χωρῖται... οὐκ ἔχουσι τὰ προνόμια, ἃ ἔχουσιν οἱ ἐπίκειναι τῶν ρ' μιλίων οἰκοντες... Πεῖρα, LI, 8'.

²⁴ „ὅτι δυνατοὶ παρὰ πτωχῶν ὠνομενοί... διώκονται... Στρατιῶται... διὰ τεσσαράκοντα χεῖρας... δεσπόζουσι, ὥσπερ καὶ ἐπὶ τῶν πολιτῶν. Πεῖρα, IX, γ', 8'.

ные районы были настолько связаны с экономикой города, что аннулирование сделок имело бы тяжелые последствия для товарного обращения в целом. Земельные участки, находившиеся в окрестностях города, представляли собою большую ценность, чем провинциальные, и являлись поэтому особенно важными для покупателей-горожан. Поэтому земли, приобретенные в подгородном районе, не возвращались бедняку.

Стоит отметить, что данное толкование Евстафия само по себе не вытекает ни из новеллы Константина Багрянородного (949 г.), ни из новеллы Василия II (996 г.). Но, очевидно, городская знать сумела внести соответствующее разъяснение, опираясь на то, что новеллы императоров имели в виду только фемные районы, и не могли относиться к 100-мильной полосе вокруг Константинополя.

Характерно, что по Книге епарха перекупка скота разрешалась только за рекой Сангарий. Это совершенно понятно: коль скоро скупка с целью спекуляции запрещалась в пределах города, то этот порядок действовал и в пригородной полосе. Но за пределами 100-мильной полосы закон, действительный для города, уже не имел силы²⁵. Таким образом, правопорядки столичного района имели некоторые особенности в сравнении с провинцией.

Подгородные районы существовали и вблизи других больших городов. Конечно, на них не распространялось положение о 100-мильной полосе, но, тем не менее, пригороды и подгородные деревни, имения и монастыри в окрестностях больших городов, находясь в тесной экономической связи с городом, составляли с ним как бы единое целое. Особенно ярко это можно проследить на примере Фессалоники — самого крупного после Константинополя города.

Иоанн Камениата (X в.), описывая окрестности Фессалоники, отмечал, что, с одной стороны, они представляли собой пышные сады, виноградники, со множеством подгородных монастырей, с другой — участки пахотной земли — *πάσης δὲ γεωργικῆς ἐπιμελείας ἐπιτηδεύειν παρεχόμενον*²⁶, где жили подгородные крестьяне: *τοὶ δὲ παῖδιον ἀνείττει τοῖς γεωργοῖς*. Полоса вокруг города в источниках IX—X вв. называлась *πᾶσα περίοικος*²⁷.

Иногда земли вокруг города (независимо от того, идет ли речь о столице или о провинциальном городе)²⁸, связанные с ним в хозяйственном отношении, назывались проастьями. Дословный славянский перевод слова проаствий — предградье. Вместо слова проаствий иногда употребляется описательное выражение *πρὸ ἄστεως χωρίον*²⁹, что подчеркивает этимологическое значение данного слова.

Неоспорима преемственная связь византийского проаствия с римским *suburbium*. Проаствий (с точки зрения его экономического значения) — категория рабовладельческого хозяйства. В Римском государстве крупный или мелкий рабовладелец, постоянным местопребыванием которого являлся город, жил за счет труда своих рабов, работавших в *suburbana*. Именно хозяйства субурбиев фактически обеспечивали всем необходимым всякий большой город, в частности Рим. Субурбий был тесно связан с экономикой города³⁰. В *suburbana* позднеримского времени работали

²⁵ Книга епарха, XV, 3.

²⁶ PG, t. 109, col. 533.

²⁷ PG, t. 105, col. 312.

²⁸ ὁ δὲ Καρδαρίγας καταλαβὼν τὴν Μαρτυρόπολιν ταύτης τὰ προάστεια ἐμπρήσας πάντῃς υπέστρεψεν. Theophanis Chronographia, ed. C. de Boor, 1883, p. 254.

²⁹ Μ. Ψέλλος, Ἱστορικοὶ λόγοι καὶ ἐπιστολαί... Μεσαιωνικῆς βιβλιοθήκης, т. V, ἐκδίδ. ὑπὸ Κ. Σαδᾶ, Ἀθήναι, 1878, σ. 214.

³⁰ Об экономической роли субурбия в римское время см. М. Е. Сергеевко. Сельское хозяйство италийских *suburbana*. ВДИ, 1955, № 1, стр. 31 и сл.

рабы в предоставленных им в качестве пекулия „казах“ (servi casati). Византийские проастии генетически восходят к римским suburbia.

В „Чудесах св. Димитрия“ (конец VI в.) говорится о том, что горожане Фессалоники имели подгородные участки земли, где работали „фамилии“, т. е. рабы, причем эти имения назывались *χῆσαι*³¹.

Эти рабовладельческие хозяйства горожан были сокрушены в результате вторжений славян. В более позднее время мы уже не встречаем каких-либо указаний о наличии в пригородах Фессалоники „фамилий“ рабов. Но и в дальнейшем, когда рабовладельческая система хозяйства пришла в упадок, проастии, как подгородные хозяйства, оставались необходимой частью пригорода.

В Юстиниановом праве, в Василиках, у Гарменопула проастиий — всегда пригородное владение. Рабу, которому почему-либо запрещено было жить в проастии, тем самым запрещалось жить и в самом городе: *ἐὰν ὁ πρῶτος δούλος κωλυθῇ τοῦ προαστείου, καὶ τῆς πόλεως κωλυέται ἵνα μὴ τῶν μετῴνων ἀπολαύῃ ὁ τῶν ἡττόνων κωλυθείς*³².

Проастием (как это слово понимается в Василиках) считался всякий доходный пригородный участок, независимо от того, вел ли его владелец товарное хозяйство, т. е. поставлял ли продукты на городской рынок, или же использовал продукты этого хозяйства непосредственно для собственного потребления.

Проастии были доходными загородными хозяйствами, без которых не могли существовать ни церкви, ни благотворительные учреждения, ни монастыри. Когда императоры основывали монастыри, они жаловали им из своих загородных владений проастии: это было таким же обычным делом, как и пожертвования священной утвари („Маркиан и Пульхерия устроили окончательно храм св. Мины с проастиями и священной утварью“)³³. У Малалы сообщается о покупке в предместьях Константинополя доходного подгородного участка *προαστειον ἔχων πρόσοδον*...³⁴. Доходом от проастиев жили константинопольские горожане, — не только знать, но и сравнительно малообеспеченные люди³⁵. Проастии доставляли владельцам-горожанам продукты питания. Хозяева проастиев, живя в городе, посылали за продуктами рабов в проастии³⁶ или сами отправлялись в свои подгородные участки на сельскохозяйственные работы, как мы об этом читаем в „Чудесах св. Димитрия“³⁷.

Большинство городов Византии после разгрома империи в VII в. превратились в большие села, аграризировались. Только немногие крупные города (Константинополь, Фессалоника, Эфес, Никея, Амастрида, Трапезунд) сохраняли все время характер крупных торгово-ремесленных центров³⁸.

Естественно, что с аграризацией большинства византийских городов старое значение термина проастиий — подгородное хозяйство — стало изменяться. Понятие проастиий перестает быть связанным с представлением о городе. Под проастием в X в. понимали только господское хозяйство, в котором трудились рабы и мистии³⁹. Такой проастиий характерен именно

³¹ PG, t. 116, col. 1292, 1357.

³² Bas., 19, 7, 2; В Сигестах (Dig., 18, 7, 5) термину *προαστειον* соответствует *romerium cuiuslibet civitatis*.

³³ Script. origin., II, 215.

³⁴ Joannis Malalae Chronographia. Bonnae, p. 341.

³⁵ Vita Epiphaniai Cypriensis, PG, t. 41, col. 101.

³⁶ PG, t. 86, col. 608 (известие от VI в.).

³⁷ PG, t. 116, col. 1292.

³⁸ См. А. П. Каждан. Византийские города в VII—XI вв. СА, XXI, 1954.

³⁹ Tract. S. 115 (F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. München, 1927).

для периода генезиса феодализма в Византии, когда отношения феодальной зависимости еще не были распространены, когда рабство еще сохраняло определенное значение и когда землевладелец мог вести хозяйство, используя труд рабов и отчасти мистиев. Это хозяйство носило товарный характер, его продукты сбывались на рынке. В таком значении мы встречаем слово проастий в источниках IV—XI вв.

Позднее, с XI в., когда рабский труд почти утратил всякое значение и когда закабаление крестьян развернулось в широких масштабах, проастий стал превращаться в поместье „нормального“ феодального типа, т. е. в поместье, заселенное зависимыми крестьянами-париками, безземельными или имеющими свое хозяйство.

Но вопрос о проастии-имении выходит за рамки нашего исследования: предметом его изучения являются только проастии вокруг больших торговых городов Византии.

* * *

На основании источников мы можем составить известное представление о характере землевладения в подгородных районах. Как отмечали арабские писатели, большая часть территории вокруг столицы находилась в собственности государства или лично императора и его семьи. В государственной собственности находились все военные сооружения (территория Длинных стен, отдельные укрепления, о которых сообщает Прокопий в „Постройках“). В пригороде Гебдомон на площадях обучались военному делу новобранцы⁴⁰. Там была гавань. Государственную собственность представляли также многочисленные сооружения по снабжению столицы водой.

Выше были приведены сообщения арабских авторов о большом количестве табунов казенных лошадей, которые кормились в подгородном районе на различных пастбищах, находившихся в собственности императора. Лошади нужны были как для ипподрома, так и для императорской гвардии, которая в основном представляла собой конное войско⁴¹. Император Феофил организовал в предместье оружейные мастерские *τὰ ἄρμα-μεντήρια*⁴².

В личной собственности императора находились многочисленные пригородные дворцы. Начиная с IV в., особенно выделялся комплекс дворцовых строений в Гебдомоне. В V в. был создан другой большой комплекс дворцов, церквей, а также ипподром у гавани св. Маманта (по Паргоару — Бекшиташ) на европейском берегу Босфора. Это место служило как бы второй резиденцией императора. Старинные дворцы (I—V вв.) были расположены в Халкидоне (на азиатском берегу) и в местности Терапейя („лечебное“)⁴³. При Юстиниане в качестве летней резиденции был построен роскошный дворец (почти на море) на азиатском берегу

⁴⁰ Theophanes, 297.

⁴¹ В „Церковной истории“ Иоанна Эфесского упоминается о том, что славяне дошли до внешних стен, где захватили много тысяч голов скота и принадлежащие императору табуны (Joannes Ephesus. Historia ecclesiastica, ed. E. W. Brooks, VI, 25).

⁴² Georgius Cedrenus. Compendium historiarum, vol. II, Bonnae, 1839, p. 196; Script. origin., III, 265.

⁴³ Некоторые предместья служили для лечебных целей. Недалеко от столицы находились источники минеральных вод, как, например, горячие источники Вифинии. Эта местность — „Пифия“ — пользовалась славой, — больные стекались сюда, как передает Прокопий, для укрепления здоровья. Такой же славой пользовалась местность у Босфора, называвшаяся „Терапейя“; на летнее время туда отправлялись зажиточные константинопольские горожане. (Procopii Caesariensis De aedificiis. Bonnae, 1838, V, 3, 16).

(так называемая Гиерия), в конце VI в. — дворец близ местности, удобной для охоты, — Даматри, и дворец с церковью св. Феодора у устья р. Барбисса. В VII в. недалеко от города был разбит роскошный парк с дворцом Пиги. В IX в. особенно выделились новые дворцы: Филопатрион — излюбленная летняя резиденция многих императоров, пышный дворец и в то же время удобное место для охоты. У Золотого рога выделялся дворец и храм τῶν Παγῶν. На азиатском берегу в IX в. Феофилом был построен большой комплекс дворцовых зданий в арабском стиле. Это усиленное строительство в IX в. можно объяснить широкими конфискациями, произведенными императорами-иконоборцами у представителей константинопольской знати — сторонников иконопочитания.

В XI в. были построены новые летние резиденции — Ареты и Гидралимен на европейском побережье, а в конце XII в. — дворец Андроника у р. Барбисс-Гидралис. Все члены императорской семьи имели проастиидачи недалеко от Константинополя. Жена Валентиниана купила вблизи Константинополя проастиий, дающий доход⁴⁴. Императрица Евдоксия имела также недалеко от столицы „Проастиий Евдоксии“⁴⁵. Сестра Феодосия II Плакидия должна была жить во время опалы в своем проастиии Гебдомон⁴⁶. Местность в окрестностях Константинополя⁴⁷, где жила императрица Феодора, сестра Зои, называлась οἰκοπρόαστειον.

Императоры часто дарили земли приближенным. Впрочем, конфискации земель осужденных вельмож восстанавливали фонд императорских земель вокруг столицы. Иная картина наблюдается в окрестностях Фессалоники. Если вокруг Константинополя было много земель, находившихся в собственности императора, то здесь нет императорских имений и дворцов. В полосе, окружающей город, мы видим еще в X в. большое количество участков, принадлежащих мелким собственникам как города, так и подгородной территории. Это положение является прямым следствием того, что окрестности Фессалоники были в VII в. колонизованы славянами, тогда как 100-мильная полоса вокруг Константинополя никогда ими прочно не заселялась. Как можно заключить из описаний Иоанна Камениаты, в X в. вокруг Фессалоники жили неассимилированные славянские племена, причем общинные земли к тому времени стали объектом частной собственности славянской знати⁴⁸.

Вокруг Константинополя находились крупные владения столичных монастырей и в особенности — владения храма св. Софии (Μεγάλης Ἐκκλησίας). Все монастыри и владения св. Софии, лежащие поблизости от столицы, имели особые привилегии⁴⁹.

Кроме того, расположенными там проастиями владели также благотворительные учреждения: ὀρφανοτροφεῖα, ἡρεστροφεῖα, πτωχοτροφεῖα, ξενοδοχεῖα. Проастиий имел в окрестностях Константинополя хартофилакс константинопольской церкви (πρόαστειον χαρτοφύλακος).

Церкви, в большом количестве построенные константинопольскими вельможами вблизи столицы, также постепенно превратились в неотчуждаемые церковные владения.

⁴⁴ Malalae Chronographia, p. 341.

⁴⁵ Сократ, VI, 16.

⁴⁶ Там же, VI, 15.

⁴⁷ Μεσαιωνικῆς βιβλιοθήκης т. VII, σ. 163.

⁴⁸ Е. Э. Липшиц. Из истории славянских общин в Македонии. Сборник, посвященный Б. Д. Грекову. М., 1952, стр. 53; Р. А. Наследова. Город Фессалоника и македонские славяне. Автореферат, Л., 1954.

⁴⁹ Jus, III, 441—460. Многочисленны были также владения монастырей вокруг города Смирны (MM, IV, passim).

В ведении церкви находился расположенный на азиатском берегу Босфора лепрозорий Аргироний, который существовал с давних времен и был реконструирован при Юстиниане⁵⁰.

Близ Фессалоники мы можем отметить исключительно широкое развитие церковно-монастырской собственности. Целый ряд важнейших владений в окрестностях города попал в собственность монахов св. Горы — тоу Ἀγίου Ὄρους.

„Патриографы“, т. е. краеведы, изучавшие прошлое Константинополя в X—XI вв., сообщают о большом количестве проастиев вельмож IV—начала V в. Часть этих проастиев была расположена на территории, обнесенной при Феодосии II городской стеной. Известные в истории Византии начала V в. вельможи — Анфимий, Кир, Харисий — являлись собственниками проастиев на р. Лике: они были кровно заинтересованы во включении их проастиев в черту города, что и было выполнено постройкой стены Феодосия, расширившей территорию города Константинополя почти вдвое. В черте города оказалось большое количество участков, пригодных для разбивки садов; эти участки сдавались в аренду⁵¹.

У патриографов и в житиях святых говорится также о проастиях Олимпиады⁵², Сатурнина, Виктора⁵³, Феогноста⁵⁴, Афанасия⁵⁵. Упоминаются проастии Промота, консула IV в.; на азиатском берегу Босфора там же имели проастии известный государственный деятель Руфин (ῥι Ρουφινῶν) и упомянутый уже Анфимий; эпарх Саллюстий (364 г.) владел проастием на седьмой версте от Константинополя по дороге в Фессалонику; на северном берегу Золотого рога имел проастий известный своей романтической историей Павлин (τὰ Παυλίνου). Все родственники Юстиниана владели проастиями вблизи Константинополя (τὰ Βορσίδου, τὰ Ἰουστίνου)⁵⁶. На азиатском берегу имел свою виллу Велизарий⁵⁷. Феофан говорит о том, что у сановника времен Маврикия — Германа имелись проастии в окрестностях Константинополя, в которых содержались стада лошадей. Другой вельможа — Филиппик — в правление того же Маврикия начал строить монастырь и дворец в Хрисополе (напротив города Константинополя) и стал разводить там ἰχθυοτροφεία и παραδείσια εἰς τὴν θαλάσσιον αὐτοῦ⁵⁸.

Владельцами проастиев являлись политические деятели лагеря иконопочитателей. Так, Тарасий, восстановитель иконопочитания при Ирине, владел проастием на европейском берегу Босфора (невдалеке от гавани

⁵⁰ Procopii Caesariensis De aedificiis, I, 9, 12.

⁵¹ Script. origin., II, 256, 258.

⁵² AB, Bd. 16, S. 414.

⁵³ AASS, Majus, 7, 251.

⁵⁴ PG, t. 44, col. 101.

⁵⁵ AASS, November, 3, 809.

⁵⁶ Мнение Ф. Успенского о существовании „проастия Девтерон“ основано на недоразумении. Феофан (стр. 243) сообщает, что Юстин построил дворец τὸ παλάτιον τὸ δευτέρου ἐν τῷ προαστείῳ αὐτοῦ. Ф. Успенский („Вазелонские акты“. Л., 1927, стр. LVIII) считает, что Юстин построил квартал Девтерон из проастия. Однако такое положение невозможно себе представить. Девтерон находился в черте города, в пределах городской стены еще при Феодосии. Ф. Успенский пропустил в фразе Феофана слово παλάτιον. Феофан писал о постройке одного дворца в пределах города, а второго дворца — δευτέρου παλάτιον — в своем проастии (за городом), которым владел до вступления на престол. Это становится ясным и из дальнейшего содержания данной фразы у Феофана: подобный же дворец император построил в своем проастии на одном из Принцевых островов, которые, как мы видели, входили в подгородную территорию столицы.

⁵⁷ Это — Пантейхион, совр. Пендик (Procopii De bello Persico, Bonnae, 1833, III, 35 — R. Janin. Constantinople byzantin, p. 457).

⁵⁸ Theoph., p. 272, 25.

св. Маманта и торгового места Филэмпорон⁵⁹. Другой борец за иконопочитание, Пикридий, протоспафарий Ирины, имел там свои поместья⁶⁰. Богатая иконопочитательница Ирина имела имение Φιρμούπολις невдалеке от Константинополя⁶¹.

В памятниках IX в. упоминаются знатные владельцы проастиев, расположенных вблизи Константинополя. Аргавир, брат последнего иконоборческого патриарха Иоанна, имел владения на европейском берегу Босфора⁶². Здесь же находились владения паракимомена Дамиана (при Феофиле и Михаиле III)⁶³. В Космидионе, к западу от Константинополя, был расположен проастий кесаря Варды⁶⁴. Проастий Маринакия (τὰ Μαρινάκιου) находился на азиатском берегу Босфора вблизи Халкидона⁶⁵. Имел проастий на берегу Босфора и тесть императора Льва VI — Стилиан. Проастий τὸ Βυζάντιον⁶⁶ неподалеку от Константинополя был подарен Василием II Иоанну Иверице. Патрикий Панвирий (XI в.) должен был передать в погашение долга Марии, дочери известного протоспафария Склира, большой проастий у монастыря св. Маманта (западнее Гебдомона) (Пира, 15, 16). Поэт Феодор Продром в XII в. тоже имел проастий. Известный ученый XI в. Михаил Пселл получил проастий Флорион невдалеке от Длинных стен.

Все окрестности Константинополя, вплоть до Редесто, были заняты подгородными хозяйствами, проастиями константинопольских богачей. Об этом, в частности, свидетельствует житие Василия Нового; автор жития, живший в Константинополе, сам был владельцем проастия недалеко от Редесто; он нанимал для сельскохозяйственных работ мистиев и на несколько дней удалялся из города в свой проастий для наблюдения за ходом работ⁶⁷.

Проастием могли быть огород, сад, пригородное животноводческое хозяйство, конюшни, виноградники и рощи маслин (оливковые проастии — ἐλαϊκὸν προάστειον⁶⁸). Проастием мог быть и участок земли, застроенный жилыми домами. Такой проастий обычно назывался οἰκοπροάστειον⁶⁹. В Пире (36, 15) говорится о незаконности продажи на слом ἐποίκιον. Комментаторы Кирилл и Феофил отмечали, что речь идет здесь о поселке — κώμη, „то есть ойкопроастии“ (τοῦτέστιν οἰκοπροάστειον. — Οἰκοπροάστειον есть застроенный домами проастий, превратившийся в κώμη). Иногда προάστειον и ограничивался строениями⁷⁰.

Застроенный участок земли около города считался доходным: лица, жившие в домах, вносили собственнику проастия квартирную плату. Продолжатель Феофана, известие которого об Арсавире, владевшем проастием на азиатском берегу Босфора с очень большими домами, упоминалось выше, пишет: τοῦτον προάστειον ἦν... οἰκοδομὰς ἔχων πολυτε-

⁵⁹ Script. origin., 296 и 312.

⁶⁰ Leonis Grammatici Chronographia, Bonnae, 1842; R. Janin. Op. cit., p. 424.

⁶¹ H. Delehaye. Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae. Bruxelles, 1902, p. 388, 721.

⁶² Cedrenus, II, p. 146.

⁶³ Theophanes Continuatus. Chronographia, p. 360.

⁶⁴ Ibid., p. 406.

⁶⁵ Script. origin., III, p. 280.

⁶⁶ C. Sathas. Bibliotheca Graeca medii aevi, vol. V, Venetia—Paris, 1872—1893, p. 197; R. Janin. Constantinople byzantin, p. 406.

⁶⁷ Зап. Новороссийского университета, 1911, стр. 163.

⁶⁸ MM, IV, p. 320.

⁶⁹ C. Sathas. Op. cit., vol. VII, p. 63.

⁷⁰ См. А. И. Пападопуло-Керамевс. Ἀνάλεκτα Ἱεροσολύμων., СПб., 1897, IV, 108, где говорится о προάστειν ἢ οἰκημάτων, т. е. о проάστειον, состоящем из строений.

λεῖς, στοάς τε καὶ βαλανεῖα καὶ διατριβὰς ἄλλας ἐπιτερπεῖς⁷¹. О многочисленности населения, жившего вне городских стен, позволяют судить и археологические данные: раскопки вдали от стен города обнаруживают большое количество остатков весьма крупных зданий⁷².

В более позднее время под проастиями разумелись не хозяйства, а целые пригородные районы, которые своими зданиями и богатством не уступали самому Константинополю; о проастии именно в этом смысле говорится в письме Мануила Хрисолора⁷³. Некоторые проастии включались в черту города: так, например, произошло с загородным районом, населенным сапожниками, — во времена Мануила Комнина этот район был включен в черту города.

Разумеется, проастии могли служить и в качестве летней резиденции, дачи⁷⁴. При невозможной грязи, которой отличался Константинополь (да и другие средневековые города), знать стремилась летом жить в проастиях, которые так поэтично были воспиты византийскими поэтами VI в. Иоанн Эфесский пишет: «Когда монастырь Дарио был закончен, епископ, исполненный зависти к монастырю, сказал: „Я сделаю его проастием моей церкви и буду жить там целое лето!“»⁷⁵. Но использование проастиев представителями знати в качестве летних „дач“ не исключало того, что проастии оставались доходными участками.

Часть пригородной территории находилась в собственности мелких землевладельцев. Из Бrevиария Никифора 640 г. мы узнаем, что собственниками участков земли в азиатских проастиях в середине VII в. были не знатные, а простые люди, причем их было так много, что возмущение их было бы опасно. Надо думать, что конфискации и казни времен Фоки привели в значительной степени к сокращению земельных владений богатых горожан и увеличению числа мелких собственников.

В новеллах Льва VI упоминаются собственники участков, лежавших на морском побережье, причем из текста новелл можно заключить, что владения были небольшие (на два полета стрелы). Значительное количество участков, принадлежавших мелким собственникам, отмечается в окрестностях Фессалоники в X в. Еще более заметна устойчивость мелкой собственности вокруг Трапезунда⁷⁶.

Ниже мы постараемся выяснить в общих чертах, что представляли собой предместья крупного города в производственном отношении.

Интересным источником для изучения этого вопроса является книга Юлиана Аскалонита „О городском благоустройстве Палестины“. Это сочинение находится в той же открытой Никодем рукописи, в которой воспроизведен текст Книги епарха. Таким образом, книга Аскалонита является как бы продолжением Книги епарха. Сочинение Аскалонита сохранилось также в своде законов Гарменолула (XIV в.), причем над каждой статьей, заимствованной у Аскалонита, стоит надпись ἐπαρχικόν, указывающая на то, что данное постановление включено в Книгу епарха.

В статьях Аскалонита приводятся распоряжения, касающиеся различных производств. Эти распоряжения являлись руководством для

⁷¹ PG, t. 109, col. 172. См. Cedren., II, p. 146.

⁷² Mano Zissi. Bemerkungen über die altbyzantinischen Stadt. Atti del Congresso Internazionale di Studi Bizantini. Roma, 1940, vol. II.

⁷³ PG, t. 156, col. 393.

⁷⁴ А. Дьяконов („Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды“. СПб., 1908) вообще считал проастий летней резиденцией.

⁷⁵ Joanni Ephesii Historia ecclesiastica, III, 37.

⁷⁶ Ф. Успенский и В. Бенешевич. Вазелонские акты. Л., 1927, стр. LXIII.

городского эпарха и поэтому могут служить ценным источником при характеристике экономики подгородного района.

В загородных районах должно было сосредоточиваться все производство металлических изделий: как правило, работа *σιδηρουργῶν* в городах не допускалась. В постановлении *ἐπαρχικόν* у Гарменопула (2, 4, 19) говорится: . . . *σιδηρουργοὺς τοὺς ἐργαζομένους τὰς ἀζίνας (ἡγουν τὰς δρέπανας) καὶ τὰ τοιαῦτα μεγάλα ἱεράνα — οὐ γρη ἐν αὐταῖς ταῖς πόλεσι τὰ τοιαῦτα ἐργάζεσθαι*. Таким образом, в самом городе запрещалось изготавливать такие крупные сельскохозяйственные орудия, как топоры, серпы и т. п. Этот запрет вытекал из того, что подобное производство требовало бы обращения с огнем, *πολύς γάρ ἀπὸ τοῦ πυρὸς κίνδυνος τοῖς οἰκήμασι* . . .

В стихотворении Христофора Митиленского упоминаются *ἀζίναι μὀνὸστρομνοί, διατράλιχ*⁷⁷. У Григория Нисского говорится об изготовлении *ὕννιχ* — сошников, *χρησιμοποιοῦντες εἰς τὰ καμίνιχ αὐτῶν ξυλάνθρακας*⁷⁸. При этом в печах использовался древесный уголь. И. Цец упоминает о *σιδηρουργί*, изготовлявших *προσθέντεςι τῶν ἱππων, μύωτας*. (ер. 16).

О характере металлургического производства мы узнаем из „Чудес св. Артемия“⁷⁹ и сочинений Иоанна Златоуста⁸⁰.

Феодор Продром говорит о *μυλιαῖρες* (II, 54) — разносчиках и продавцах *μυλιαρίων* — медных сосудов для нагревания воды. Дюканж приводит текст: *μυλιάριον καλούμενον ὑπο Ῥωμαίων εἰς θερμῶν ὕδατος κατὰσκευαζόμενον*⁸¹. *Μυλιάριον* встречается в Патмосской писцовой книге в качестве принадлежности инвентаря ойкопроастия Вари. Как считал Безобразов, это — медный котел для кипячения воды. При этом самое название „милиарий“ (собственно: верстовой столб) произошло от того, что данное производство допускалось лишь за городом⁸². Из стихотворения Продрома ясно, что продавцы — разносчики кустарных изделий, изготавливаемых вне города.

О числе ремесленников в Фессалонике, изготовлявших металлические предметы, имеются сведения у Камениаты⁸³. *Περὶ γάρ τῶν ἄλλων ὕλῶν, χαλκοῦ καὶ σιδήρου, κασιτέρου τε καὶ μολύβδου καὶ ὕελου, — οἷς αἱ διὰ πυρὸς τέχναι τον βίον συνέχουσι καὶ μνησθῆναι μόνον παρέλκον ἡγοῦμαι — τοσοῦτον ὄντων ὡς ἄλλην τινα δύνασθαι πόλιν δι' αὐτῶν δομεῖσθαι* . . . Автор говорит о работниках по меди, железу, олову, свинцу, стеклу, о тех ремесленниках, которые в своем производстве используют огонь: „этих ремесленников такое множество, что ими можно было бы заселить другой город“. Если иметь в виду законодательство и общие требования пожарной безопасности того времени, то можно предполагать, что все эти ремесленники работали или в пригородах, или на отдаленных окраинах города. Предмestья города должны были поэтому иметь оживленную связь с ближайшими районами горной промышленности: горы Халкидики были богаты металлами.

В пригородах должно было сосредоточиваться и производство стеклянных изделий. Стеклодувам — *υελοуργοί* также по соображениям противопожарного характера запрещалось открывать эргастерии в черте города и только в виде исключения разрешалось иметь свои мастерские

⁷⁷ Die Gedichte des Christophor's Mytilenses, ed. E. Kurtz. Leipzig, 1903, S. 383.

⁷⁸ PG, t. 45, col. 392.

⁷⁹ A. I. Papadopoulos-Cerameus. *Varia sacra*. St.-Ph., 1910, p. 37. 29.

⁸⁰ PG, t. 45, col. 392; t. 60, col. 747.

⁸¹ Glossarium mediae Graecitatis. *Milliarium coccinatorium seu Aeneam in quo aqua ad potandum calescit*.

⁸² П. Безобразов. Патмосская писцовая книга. VII, 1910, стр. 74.

⁸³ PG, t. 109, col. 558.

на городских окраинах. Наличие различных производств в пригороде, разумеется, значительно повышало значение пригородных районов, увеличивало доход тех городских землевладельцев, которые в своих *προάστεισι* строили дома для сдачи их в наем под мастерские.

* * *

Продром (IV, 121, 125) рассказывает, как на улицах столицы расхаживали продавцы мелких изделий: „Кому угодно — мельница для размалывания перца?“ Эти странствующие ремесленники, не имевшие своей мастерской, вероятнее всего — жители пригородов. Упоминаемая в источниках деревянная посуда, продававшаяся на рынках городов, изготовлялась, надо думать, в ближайших к городу деревнях.

Изготовление различных материалов и тары для упаковок в основном производилось в предместье. По Гарменопулу (2, 4, 21), *σχοινικοπλῆκται* не имели права заниматься своим ремеслом в пределах города; ведь там они должны были давать обязательство не производить тех работ, которые были связаны с появлением дыма и дурного запаха (серы). Поэтому веревки и веревочные корзины изготовлялись в пригородных деревнях (в житиях имеются сведения о том, как монахи ближайших монастырей плели веревочные корзины и относили их на продажу в город)⁸⁴. То же самое можно сказать о таре для хранения вина: это были *οἱ κάδοι* „кади“ (в Dig., 33, 6, 6, 14 — *cadī*) и глиняные сосуды — *κέρχμοι* (упоминаются в Василиках, 34, 9, 6). Для виноделов *βουτζάδες* (бочары) изготовляли бочки (*Κουκουλέ Βίος*, 1, 188).

Вне города было сосредоточено и керамическое производство. У Гарменопула имеется специальная статья (по Аскалониту — 2, 4, 15) — *περὶ φοῦρνου κερχμικοῦ*. Обращает на себя внимание, что, несмотря на „городской характер“ этих постановлений, в статье, касающейся гончарного производства, говорится только о *κώρη*, причем о постройке гончарной печи в городе вовсе не упоминается. Строения обозначаются термином *καλύβωσις*. В статье излагаются правила устройства печи в деревне. Гончары изготовляли *ἀγγεῖα καὶ ἄλλα πῆλινά δοκεῖα*. У глоссаторов *πηλοκλάσται* — лепщики по глине, *πηλοψεταί* — обжигающие глиняные изделия. Общее название *κερχμεῖς* — гончары, и их мастерские — *ἐργαστήριον κερχμεῖον*. Глиняная посуда использовалась в качестве тары; в частности, при сборе плодов употребляли глиняные кувшины (*τῶν πίδων*)⁸⁵. Гончарное дело не пользовалось почетом. По словарию Свида, слово *κερχμεῖν* — „гончарить“ — в просторечье означало *το κακῶς ποιεῖν τὰ κοινά*, а *κερχμεῶς πλοῦτος* — непрочное, дурного качества изделие — *ὁ σαθρὸς καὶ μὴ βεβαῖος*. Кирпичные мастерские (вряд ли они по величине могли отличаться от других эргастерий) тоже не могли находиться в городах. Производство кирпичей сосредоточено было в мастерских города, особенно около Гебдомона. Кирпичная мастерская — *πλινθεῖον* — определялась как *ὁ τόπος, ἐν ᾧ πλίνθος πλάττεται* — место, где лепится кирпич⁸⁶. Такие мастерские, естественно, должны были располагаться недалеко от крупных городов во избежание больших трудностей в доставке кирпича для строительства — *αἱ διὰ τὸν οἶκον εὐτρεπισθεῖσαι κέρχμοι*⁸⁷. Можно

⁸⁴ И. Помяловский. Житие Федора Эдесского. Записки историко-фил. фак-та С.-Петербургского университета, 1892, № 2.

⁸⁵ AASS Novembris, IV, 607 (Vita s. Blasii).

⁸⁶ Lexicon Vindobonense, ed. A. Nauck. Petropoli, 1867, p. 145.

⁸⁷ Bas. 19, 8; 18, 1.

предположить, что производство кирпича отнюдь не было убыточным делом. В XII в. владельцы кирпичных мастерских, „счищая с себя глину от кирпичей“, выступили в качестве претендентов на получение пронии⁸⁸.

Кирпичи в постройках начала IV в. не имеют надписей, — они появляются позднее, с V в. Надпись состоит из индиктиона и имени ремесленника, который изготовил кирпич. Сохранились имена мастеров времени Юстиниана: Тимофей, Аристон, Андрей, Домн, Ауксантий, Кириак, Кирилл. Иногда попадаются надписи с именем святого, — вероятно, кирпичи с такими надписями были изготовлены в кирпичных мастерских, принадлежавших церкви⁸⁹.

В самом Константинополе, как говорилось, гончарных мастерских не было. Только этим можно объяснить тот факт, что предметы гончарного производства продавались не у мастеров, а в лавках салдамариев⁹⁰. В Афонских актах говорится о кирпичной мастерской в окрестностях Фессалоники: в 922 г. в Фессалонике разбиралась тяжба относительно продажи ἐργαστήριον πρὸς κερχρὸν κατὰ σκευήν⁹¹. Окрестные бедняки жаловались, что переход кирпичной мастерской в руки монастыря причинит им великое горе, т. е. разорит их.

Правила, действовавшие в столице, едва ли соблюдались в мелких городах. В результате раскопок, произведенных в Афинах в районе Агора Романа, было обнаружено большое количество гончарных изделий с характерным для XII в. орнаментом; найдена также гончарная печь. Несомненно, что во времена Комнинов там были эргастерии художественных керамических изделий⁹². Аналогичные находки были сделаны в Коринфе⁹³.

Большую роль в строительстве играл камень, и поэтому каменоломни вблизи крупных городов имели важное значение в хозяйстве того времени. Относительно добычи камня в каменоломнях оставалось в силе старинное законодательство: ἐὰν λίθους τινὲς εἰς ἰδιωτικὸν τόπον κόπτουσι, δεκάτῳ τῷ δημοσίῳ καὶ δεκάτῳ τῷ δεσπότη διδόντωσαν, καὶ τὸ λοιπὸν ἐχέτωσαν αὐτοὶ ὑπὲρ κόπτου⁹⁴.

На земле частного лица можно было добывать камень при условии, чтобы $\frac{1}{10}$ его шла казне и $\frac{1}{10}$ — собственнику земли, остальное же оставалось в виде вознаграждения за труд. Этот закон был издан, безусловно, в поощрение каменотесов и в то же время он давал возможность собственникам земель, расположенных в гористых местностях, малопригодных для сельского хозяйства, извлекать доход из своих владений. Необходимо отметить, что в законе говорится не о зависимых людях, а о любом человеке, желающем добывать камень. Участок земли, где удавалось организовать каменоломню — λιθοτομίαν, — становился весьма доходным: ἄλλος εὐπροσόδευτον^{95а}. В Lexic. Vind. о каменоломне говорится κατὰ ξίς — ἡ εἰς μεγάλα μέρη τομὴ, θραύσις — δὲ εἰς μικρά^{95б}: выражение „ломать камни“ противопоставлялось выражению „обтесывать камни“. Целый ряд терминов обозначал каменотесов — λιθοῦροι, λάτοροι, μαριμαράριοι.

⁸⁸ Nicetas Choniata. Historia, I—II. Bonnae, 1835, p. 273.

⁸⁹ E. Mambry. Les briques byzantines, Byz., XIX, 1949, p. 123.

⁹⁰ Книга эпарха, XIII, 1. Необходимо иметь в виду, что перепродажа товаров метатратами была запрещена. В то же время продавать местные изделия могли только члены определенной корпорации (Там же, IX, 1; XII, 4; XI, 1).

⁹¹ G. Rouillard et P. Collomp. Actes de Lavra. Paris, 1937, № 6.

⁹² Ch. Delvoye. Les monuments byzantins de la Grèce. Byz., XIX, 1949, p. 324.

⁹³ Ibid., p. 330.

⁹⁴ Bas., 56, 12, 3.

^{94а} Ibid., 28, 8, 7.

⁹⁵ Lexicon Vindobonense, p. 99 (к слову θραυστὸν ὁ λίθος).

Работники по камню назывались πελεκάνοι. По Дюканжу, *faber lignarius* — γλύπτης; в „Глоссарии“ приводится под данным словом ряд выдержек, где говорится о τέκτονας πελεκάνους, πρωτομαίστρος τῆς πελεκανικῆς, ἡγούν τῆς τεκτονικῆς τέχνης, т. е. представление о строительстве вообще соединялось с представлением о работах по камню. Обтесывание камня производилось в ἐργχλείον τοὺς πελεκάνους. По Гарменопулу, все подобные работы должны были производиться вне города: ἀνδριαπλάστας οὐ χρὴ ἐν αὐταῖς ταῖς πόλεσι τοιαῦτα ἐργάζεσθαι.⁹⁶

Из рассказа аввы Даниила об Евлогии мы узнаем, что в пригородных египетских селах жили каменотесы λάτομοι, которые работали целый день за жалкую плату в 1 кератий. Один из таких каменотесов, согласно легенде, стал впоследствии константинопольским епархом.⁹⁷

Показателем большого значения каменоломен для строительства может служить то, что под горным делом в „Василиках“ понималась, в первую очередь, добыча строительных материалов. Интересно отметить в этой связи, что в схолии к Василикам (XVI 1, 13, 5) слова закона о металлах комментировались в основном как относящиеся также к добыче строительных материалов: μέταλλον λέγεται πᾶν το ἀπὸ ὀρύγματος τῆς γῆς ἐξερχόμενον, οἷον λίθοι, γυψοὶ καὶ ἄλλα τινὰ τὰ τοιαῦτα. Арендатор мог добывать все μέταλλα под условием не испортить участок земли, если выгода от добычи ископаемого не превысит дохода от земледелия — δύναται δὲ συνιστᾶν ἐν τῷ ἀγρῷ παντοῖα μέταλλα, μὴ βλάπτειν τὸν ἀγρὸν, — εἰ μὴ ἄρα μείζων ἐστὶ τῆς βλάβης ἢ πρόσοδος.⁹⁸

Это положение закона свидетельствует о существовании товарных хозяйств, которые снабжали крупные города строительными материалами. В законодательстве говорится о скульптурных мастерских, об ἀνδριαπλάσταх.

Изготовление статуй в византийское время ни в какой мере не может сравниться с античным, однако скульптурные работы занимали видное место в строительстве, особенно при орнаментировке. Изготавливались из камня и вещи⁹⁹, а также гири — μοδίους λιθίνους¹⁰⁰.

В Книге епарха (XXII) упоминаются μαρμαράριοι — работники по мрамору, — но лишь в качестве лиц, принимающих подряды на выполнение строительных работ; здесь совершенно не говорится об их мастерских по вполне понятным соображениям — эти мастерские не должны были помещаться в черте города.

Подобное явление можно отметить и в производстве мелких цветных камней для мозаики. В Константинополе имелся квартал, где продавался материал для мозаики, но изготавливались камни в предместье: за городом на западном берегу Босфора находился квартал Ψιχά, — того же наименования, что и городской квартал: очевидно, материал для мозаик приготавливался в загородной местности Ψιχά, а продавался в городском квартале τὰ Ψιχά¹⁰¹. Ἀσβεστοποιοί, χαλικοκαῦστα, доставлявшие известь для строительства, должны были иметь печи φοῦρνους ἀσβέστου вдали от домов. Они тоже жили либо на окраинах города, либо в предместьях: τὸν ἐθέ-

⁹⁶ Constantini Harmenopuli Manuale legum. Lipsiae, 1851, 2, 4, 20.

⁹⁷ А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агнографии. М., 1917, стр. 143. Житие Евлогия опубликовано С. Clugnet. Revue d'Orient Chrét., V, p. 254 и сл.

⁹⁸ Bas., 16, I, 13,5—Dig., 7, 1, 13,5.

⁹⁹ Bas., 56, 11, 7.

¹⁰⁰ Cod. Just., X, 70 (72), 9.

¹⁰¹ Theophanes Continuatus, p. 151. Ср. R. Janin. Constantinople byzantin, p. 435.

λοιπὰ φοῦρνον τῆς ἀσβέστου κατσκευάζειν χρη' ἀφίστασθαι πάσης οἰκίσεως
πῆλεις ρ'. . . δριμυτέρη γάρ καὶ λοιμώδης ἢ ἀπ' αὐτῆς ἀτμὶς¹⁰².

* * *

Производство шелка, которое в X в. в основном было сосредоточено в Константинополе, в XI—XII вв. переместилось в окрестности мелких городов Элады и Пелопоннеса. В столице производство шелковых тканей было монополизировано цехами. Главным образом здесь использовалось привозное сырье. Между тем, росли возможности производства шелковых тканей на местном сырье. Старое цеховое ремесло оказалось неприспособленным к новым условиям, и ловкие дельцы пригородов сумели взять в свои руки производство шелка. В силу правовых ограничений еврейские ремесленники не смогли обосноваться в Константинополе. Но их предприятия широко развивались за городом, в пригородных селах и предместьях. По данным продолжателей Феофана (стр. 42), много евреев в IX в. жило в предместьях Амории. В житии Никона Метаноэта (стр. 166) говорится о высылке еврейской общины за город. В Книге епарха имеется статья о запрещении евреям продавать метаксу за город (ἐξω τῆς πόλεως).

В Константинополе еврейская община была расселена в Галате, т. е. на территории, первоначально являвшейся предместьем города. Судя по запретительным статьям Книги епарха, можно предположить, что уже в IX в. шелковое производство было распространено в предместьях города.

Таким образом, ремесленные предприятия по производству шелка перешли в пригород или в мелкие города, в частности — в Коринф, Спарту и Фивы¹⁰³. Фивы, насколько можно судить по житию Мелетия Нового, были в большой степени аграризованы; население пригородов занималось сельским хозяйством; в житии рассказывается о том, как жители Фив во время засухи организовали крестные ходы и молебствия вокруг города¹⁰⁴. Именно в такой пригородной сельскохозяйственной местности в условиях свободы от стеснительных цеховых ограничений развивалось производство шелка в Спарте, Фивах, Коринфе.

* * *

Окрестности города снабжали его население дровами. В житиях рассказывается о том, как крестьяне везли на лошади дрова в город на продажу¹⁰⁵.

Агиографическая литература упоминает о крестьянах-дровосеках, живших в подгородных деревнях и зарабатывавших себе пропитание заготовкой дров и подвозом их в город¹⁰⁶. Бедняки, не имевшие лошади, добывали средства к жизни, нося на плечах хворост для отопления, как это делал св. Антоний¹⁰⁷. Дровосеков называли ὑλέας или ὑλοτόμους. Упоминаемые в источниках δρυτόμος — дуборубы, вероятно, доставляли не дрова для отопления, а строительный материал или материал для резьбы по дереву.

¹⁰² Harmenopoulos, 2, 4, 17.

¹⁰³ T. Tafel. De Thessalonica eiusque agro. Berolini, 1839, S. 506.

¹⁰⁴ Православный Палестинский сборник, 6. XVII, 1886, 43.

¹⁰⁵ Житие Евстафия. А. И. Пападопуло-Керамевс. Ἀνάλεκτα Ἱερσς., IV, 34.

¹⁰⁶ PG, t. 85, col. 3092.

¹⁰⁷ Х. Лопарев. Греческие жития святых VIII—IX вв. Пг., 1914, стр. 344.

Евстафий Фессалоникийский (Παρεμβολαί, σ. 858) рассказывает о способах рубки, сушки, складывания, транспорта дров¹⁰⁸, — все эти операции производились приблизительно так же, как и в настоящее время там, где отсутствует механизация труда.

Древесный уголь обжигали в окрестностях города углежогι — άνδρῆκεῖς или, как обычно их называли во времена Фотия, κάρβωνάριοι. Под άνδρῆκεῖς подразумевался именно работающий у печи ὁ βάναντος-углежог¹⁰⁹ в отличие от άνδρῆκοπώλης — продавца угля¹¹⁰. Но нужно думать, термин κάρβωνάριος, κάρβωνάρισσα охватывал вообще понятие угольщик (углежог, продавец и разносчик угля)¹¹¹.

В житии Симеона Дивногорца говорится о крестьянах-угольщиках, живших в пригородной деревне¹¹². Уголь покупался и для государственных мастерских: при подготовке к походу на Крит в 948 г. протоспafariю Иоахиму для изготовления оружия было дано 50 номисм на покупку угля¹¹³.

* * *

Перейдем к рассмотрению вопроса о роли окрестностей города в снабжении последнего продовольствием.

Жители городов (Константинополь, Фессалоника) считали более выгодным покупать продовольствие не на рынке — ἐπὶ τὴν ἀγοράν, но в пригородном районе — ἔξω μακρὰν τῆς πόλεως διὰ τὴν τῶν ὀνίων εὐθηνίαν¹¹⁴.

Относительно крестьян, привозивших в город для продажи скот (как, нужно думать, и прочие продовольственные и кустарные товары), не было ограничений. Наоборот, в Книге епарха устанавливалось, чтобы крестьяне свободно приезжали и продавали на рынке скот (XV, 4). Однако законодательством не воспрещалось и посредничество между городом и деревней: „Крестьяне и рыбаки не обязательно должны лично привозить свои товары в город и лично продавать; они могут поручать это другим лицам...“, — указывается в Василиках¹¹⁵. Эта статья позволяет предполагать, что в окрестностях города, в пригородных селах и находящихся вблизи столицы городах было распространено торговое посредничество в экономических сношениях между большим городом и деревней.

В окрестностях города имелись участки, на которых возделывались зерновые культуры. Иоанн Камениата в своем описании Фессалоники рассказывает, что вся восточная половина окрестностей города была ἄξιλον, πάσης δὲ γεωργικῆς ἐπιμελείας ἐπιτηδεύειν παρεχόμενον, — το δὲ λοιπὸν τοῦ πεδίου ἀνέιττι τοῖς γεωργοῖς¹¹⁶. Жители города выходили для обозрения своих полей. Размалывание зерна в муку производилось, как мы видим по Книге епарха (XVIII, 1), в самом городе, в хлебопекарнях. Но это не являлось общим правилом. Водяные мельницы не могли применяться в городе Константинополе, — здесь не было реки (в Рие они употреблялись уже в IV в.)¹¹⁷. Такие мельницы имелись в окрестностях Фессало-

¹⁰⁸ Ευστάθιος Φεσσαλονίκης, Παρεμβολαί, εἰς τὴν Ὀμήρου Ἰλιάδα. I—IV, Lipsiae. 1827—1830, σελ. 858, 45. — Ф. Кουκούлѣ. Βυζαντινῶν βίος καὶ πολιτισμός, Τόμος Β. Ἀθήναι, 1951, σελ. 215.

¹⁰⁹ Lexicon Vindobonense, p. 101.

¹¹⁰ F. Ducange. Glossar. graec., s. v.

¹¹¹ Bas., 44, 6, 6.

¹¹² PG, t. 96, col. 3156.

¹¹³ PG, t. 112, col. 1248.

¹¹⁴ Житие Феодоры Солунской. Юрьев, 1899, § 23.

¹¹⁵ Bas., 53, 6, 7 (t. VII, p. 101).

¹¹⁶ PG, t. 109, col. 533.

¹¹⁷ Cod. Theod., 14, 15, 4 (398 г.).

ники и Константинополя. Известно, что в устье реки Барбисса (у Золотого рога) находились две водяные мельницы¹¹⁸. Водяные мельницы имелись также в метохах Студийского монастыря вблизи Константинополя.

Появление водяных мельниц привело к разделению профессий мельника и булочника¹¹⁹. Можно думать, что упоминаемая в Книге епарха (XIII, 1) продажа салдамариями муки относится именно к размолу на пригородных мельницах (т. е. невозможно предположить, что городские хлебопеки при строгой регламентации их производства продавали салдамариям муку). Мукомолы обычно именуются в источниках *μολινάριοι* или *δευθύνοντες ὑδρομύλους ἢ ὑδρομύλῃς*. Мельница водяная в актах называется *ὑδρομύλικον ἐργαστήριον*. Ветряная мельница упоминается только в более поздних документах XIV в.

Схолии к Василикам содержат сведения о существовании специальных продавцов пшеничной муки: *σιλιγνάριος* — *ὁ πειράσκων σιλιγνῆς*¹²⁰. В пригородах работали также *ὀρτοποιοί* — хлебопеки, хлебопекарни, *ἐν δὲ κόρυς ἢ προχστεῖοις*¹²¹.

Большое значение для снабжения городского населения продуктами питания имели пригородные сады и огороды.

Из пригородов на городские рынки направлялись часто упоминаемые как в папирусах византийского времени, так и в житиях и законодательных источниках *ὀπωροπώλαι* — продавцы фруктов (в V в. — у Иоанна Златоуста¹²²; в X в. — в Житии Никона Метаностэ¹²³), *λαχανοπώλαι* (в Василиках и у глоссаторов) — продавцы овощей, *σευκλογοῦλαι* — продавцы свеклы¹²⁴, *ρέπανοι* — продавцы редьки и т. п.¹²⁵ Из житий узнаем, что столичная беднота питалась главным образом овощами, продаваемыми торговцами (Житие Андрея Юродивого, 656; Василия Нового, 312 — о продаже чеснока).

Судя по папирусам позднего времени, пригородные сады были окружены стенами (*περιτεταχισμένοι*), хорошо оборудованы (*κεκαλλιεργησμένοι*¹²⁶), имели сторожей, которые камнями отгоняли птиц и воров¹²⁷.

Пригородными садами в VI в. распоряжалась коллегия садовников — *κηπουροί*.

Много пригородных садов вокруг Константинополя принадлежало монастырям. Монастырь Студитов имел в окрестностях Константинополя метох, где были богатые фруктами сады. В житии св. Василия Аморийского рассказывается об уборке урожая в монастырском саду¹²⁸. Садоводство в VI в. пользовалось почетом — об этом говорят и восторженные стихотворения Павла Силенциария и LXI новелла Юстиниана, свидетельствующая о больших правах садовников. В дальнейшем, в связи с конфискациями XII—XIII вв., владения городской знати расширяются. Садоводами делаются более мелкие собственники.

В памятниках времени Комнинов о садоводах говорится как о людях бедных, принадлежавших к низам общества. Продром в своем стихо-

¹¹⁸ H. Déléhaye. Deux typica de l'époque des Paléologues. Bruxelles, 1902; R. Janin. Constantinople byzantin, p. 435.

¹¹⁹ A. Stokle. Spätromische und byzantinische Zünfte. „Klio“, Beiheft 9. Leipzig, 1911, S. 47.

¹²⁰ Bas., 60, 12, 47—64, 20, 21.

¹²¹ Har men o pulos, 2, 4, 14.

¹²² PG, t. 48, col. 984.

¹²³ Νέος Έλληνομνημων, 1906, 3, 217.

¹²⁴ Прод ром, IV, 129.

¹²⁵ Там же, 133.

¹²⁶ Synopsis Basilicorum, I, 4483.

¹²⁷ Ducange. Glossar. graec., Appendix, 120.

¹²⁸ AASS, Nov., IV, 607 (Vita s. Blasii).

творении рассказывает, как дочь садовника, чтобы выйти из нищеты, решила вступить в брак со старым доктором философии. Садовник в глазах поэта — символ бедного, задавленного нуждой человека¹²⁹.

Важное значение в снабжении крупных городов имела поставка в город маслин, растительного и лампадного масла (последнее применялось для освещения).

По постановлению эпарха (Гарменопул, 2, 4, 20), заведения, в которых производилось прессование маслин, не могли помещаться в городе, поскольку это производство было связано с распространением неприятного запаха и было вредно для окружающих. Поэтому масличные прессовальни находились за чертой города. Прессовщиков маслин называли *ἀμμουδάριοι*, *ἐλαιοτρίβιοι*. В полном соответствии с данными Гарменопула, в папирусах (времен Маврикия) говорится об аренде участка в пригородном селе по соседству с *ἀγρὸς ἐλαιουργίου* — прессовальной мастерской¹³⁰.

В IV в. существовала влиятельная привилегированная коллегия олеариев¹³¹, в более позднее время сведения о таком объединении *ἐλαιοτρίβων* не встречаются; нужно думать, что олеарии включались в корпорацию *κηποιῶν*, поскольку сады засаживались и масличными деревьями¹³².

В пригородных садах разводились пчелы. Таких садовых пчельников было много во владениях церкви. Из Книги эпарха (XI, 3) узнаем, что керулларины получали воск от церквей, чтобы выполнять заказы на свечи.

В пригородных районах имелись пастбища для скота горожан. На западе от Константинополя, у Больших стен, по сообщению Иоанна Эфесского, в правление Тиверия II паслись стада императорского двора и частных лиц.

В предместьях находились конюшни, принадлежавшие знати. Здесь же были и пастбища, где паслись кони. По Василикам (XXV, 3, 4), пригородные конюшни (*σταλῖα*) жильцов можно было взять в залог, если квартирант не вносил квартирной платы. В пригородах имелись конюшни и цирковых партий.

Из окрестностей города населению последнего доставлялось молоко. Жители предместий относили молоко в город на продажу. Об этих молочниках (*οἰζυγχατᾶδες*), продававших молоко в кринках (*τοῦκκλιν*) и горшках (*χύτριν*), сообщает Продром (IV, 119)¹³³.

Согласно известию Клавихо¹³⁴, константинопольский квартал Галата назывался так потому, что на этом месте первоначально были молочные хозяйства: «Прежде, чем там был построен город (Галата), там были *casares* (мызы — проастии), куда каждый день собирался скот, там доили молоко, которое шло на продажу в город, — и оттого этот город называют Галата, т. е. по-нашему „молочный двор“». На другом берегу Золотого рога, на Фракийском побережье было предместье Галата¹³⁵. Молоч-

¹²⁹ С. Пападимитриу. Поэт Федор Продром. Одесса, 1906, стр. 274.

¹³⁰ Pap. Ros. Georg., III, 40; о прессовании маслин — см. в Житие Никона Метаноета. Νέος Ἑλληνομνημῶν, 3, 203, 26.

¹³¹ Dig., 50, 4, 5; CIL, VI, 1620.

¹³² Nov. Just., LXIV: περὶ κηπουρίων.

¹³³ Poemata Prodromica, ed. Miller. Melanges de Philologie, 1876.

¹³⁴ 111. Ἄν ἤμουν οἰζυγχατᾶς τ'οἰζυχαλὴν νὰ πῶλουν.

112. Τὴν τζούκκλιν τοῦ οἰζυγχατᾶτος εἰς ὦμον μου νὰ βᾶστουν. . .

114 . . . ἐπᾶρετε δρουβανιστὸν οἰζυχαλὴν, γυμᾶτῆς.

¹³⁴ Р. Г. де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде в 1403—1406 гг. Сборник Отд. русск. яз. и слов., т. 28, СПб., 1881, стр. 48.

¹³⁵ C. Sathas. Bibliotheca Graeca medii aevi, vol. V, 214. Cp. R. Janin. Constantinople byzantin, p. 408.

ные продукты (коровье масло и сыр) продавались в X в. салдамариями, которые имели монополию на перепродажу этих товаров в городе. Нужно думать, что салдамарии покупали масло и сыр у жителей пригородных местностей; у них же могли покупать для потребления, но не для перепродажи и прочие лица (Книга епарха, XIII, 4).

Производство сыра сосредоточено было в пригородах: согласно постановлениям епарха, *τυροποιοί* по причине неприятного запаха, распространяемого при производстве сыра, не имели права организовать свои мастерские ближе чем в 3 стадиях от города¹³⁶. Сыр продавался по весу, а не штучно, как хлеб, отсюда (по Свиде) выражение „продам сыр“ *τυροπώλῃσω* означало также вообще *στεινύλῃσω*, т. е. взвешу: *πρὸς γὰρ στεινύμον ἐπώλειτο ὁ τυρός*. Мы можем заключить отсюда, что сыр продавался обычно посредникам большими партиями.

В пригородах существовало, если можно так выразиться, консервно-маринадное производство. Общее название работников этого вида производства — *γχεψοί*; маринады разного вида, называемые *γάρων*, приготавливались из овощей, птицы, рыбы. Производство это, опять-таки по причине распространяемого им дурного запаха — *πολλὴ γὰρ ἀπ' αὐτῆς ἀτμὶς δυσώδης*, не допускалось в черте города и вообще ближе 3 стадий от жилых помещений. Производство *γάρων* можно проследить от античных времен; в Геопонике (XX, 46, 1, 3) под *γάρων* иногда разумелась и особая жидкость из пресного хлеба, меда, фруктов, разных корней — нечто вроде кваса¹³⁷. Но в то же время различали сорта *γάρων*, изготовленного на уксусе — *ὀξύγρον*, на масле — *γχελάων*, на воде — *ὕδρογρον*; изготовлялся *γάρων* с подмешиванием перца — *piperatum garum*, как соус — *liquamen*, которым подправлялось мясное или рыбное блюдо — *porcellus οἰνογάρκτος*, или вообще рыбный соус, или нечто вроде зернистой икры. Таким образом, *γάρων* — всевозможные маринады и консервы, считавшиеся изысканными кушаньями. Производство это — *τίχνη τῶν γχεψῶν*, очевидно, имело особые секреты. Вывоз за границу *γάρων* был воспрещен.

Копчение, вяление производились также в пригородах. В поздних папирусах встречаются сведения о том, что крестьяне пригородного села — *οἰκόδομος καὶ γωργός* — в свободное время были *τχιχευτής*¹³⁸.

В ямбах Цец¹³⁹ о *τχιχευτής* говорится как о *δυσμενῆς ἐργάτης*, — как о презираемом работнике. Копченая рыба и копченое мясо продавались в Константинополе салдамариями, которые таким образом были посредниками в продаже копченостей (*κρέας, γυθίας τετχιχευμένους*)¹⁴⁰.

Ихтиопратам строго запрещалось копчение рыбы¹⁴¹. Роль рыботорговцев сводилась исключительно к посредничеству между артелями рыбаков и потребителями, а копчение представляло собою особую отрасль, посредником в которой были не ихтиопраты, а салдамарии.

* * *

Вокруг городов было множество виноградников, в которых обычно жили сторожа¹⁴². Постоянных работников, кроме этих сторожей, в виноградниках было мало, так как работа здесь носила сезонный характер.

¹³⁶ Harmenopulos, 2, 4, 22.

¹³⁷ RE, VII, 850.

¹³⁸ M. Mitteis — U. Wilken. Grundzüge und Chrestomatie der Papyrskunde, Bd. I. Leipzig, 1912, S. 212.

¹³⁹ I. Tzetzes. Chiliades, ed. Kiessling. Leipzig, 1826.

¹⁴⁰ Книга епарха, XIII, 1.

¹⁴¹ Там же, XVII, 2.

¹⁴² Х. Лопарев. Греческие жития святых VIII — IX вв., стр. 49.

Поэтому существовали организации особых артелей виноградарей, которые нанимались на весенние работы в виноградники и на уборку винограда. Житие Полихрония сообщает, что герой его присоединился к одной из таких артелей¹⁴³.

Существование артелей этого рода оправдывалось и тем, что подчас размеры виноградников были довольно значительными. В Житии Иллариона сообщается, что толпа странствующих монахов могла, кто сколько хотел, брать себе виноград для еды. Ἀμπουργαί — виноградары помимо садовых работ занимались и изготовлением вина: они работали над σταφυλοποιεῖον — τὸ καλούμενον πατητήριον¹⁴⁴.

Часть пригородных виноградников находилась в собственности жителей города. Бrevиарий Никифора сообщает, что в 640 г., когда жители Константинополя узнали о захвате их виноградников мятежными войсками, в городе вспыхнуло возмущение. В возбужденной толпе были „самые грубые и неотесанные люди“. Социальная принадлежность лиц, тревожащихся об участии виноградников в предместьях города (на азиатском берегу Босфора), вполне ясна: это — горожане, мелкие собственники или мелкие арендаторы виноградников — проастиев.

Пригородные села снабжали город птицей через специальных посредников. У патриографов имеется известие о константинопольском продавце гусей χηνοπώλος, который имел дом стоимостью в 6 литр зол.¹⁴⁵ Это, очевидно, постоянный посредник, скупщик гусей. Птицу на рынок привозили и окрестные крестьянки — ὀρνιθοπώλῃ (Тимарион, XLVI)¹⁴⁶. Подобным же образом пригородные села снабжали город яйцами. Отдельные пригородные хозяйства обязывались продавать продукты только в городе, точнее, — какому-нибудь перекупщику, установившему с ними более тесную связь.

Подобные обязательства мы находим в папирусах IV — VIII вв. В некоторых из этих обязательств встречается выражение: εἰς τὴν εὐθηρίαν τῆς λαμπροτάτης πόλεως¹⁴⁷.

В пригородных селах разводили мелкий скот для продажи городским мясникам. Одна из статей Книги эпарха (XV, 3) запрещает мясникам делать закупки скота в пригородах. Им разрешалось, однако, отправляться за реку Сангарий, т. е. в более отдаленные места. Это говорит о том, что требование производить торговлю исключительно на площади Тавра относилось и к пригородным местностям. К тому же пригороды, само собой разумеется, были связаны с рынком столицы, и на увеличение количества мяса эти частные поездки в пригород не могли бы оказать влияния: наоборот, они усилили бы конкуренцию в пригородах и вызвали бы только подорожание продуктов. Поездки же в отдаленные районы могли привести к увеличению количества мяса, завозимого в столицу, что повлекло бы некоторое снижение цен, поскольку вдали от столицы цены на скот могли быть и не столь высоки, как в пригородах.

* * *

Перейдем к важнейшей отрасли товарного хозяйства того времени — рыболовному промыслу. По своему географическому положению Византия отличалась от всех других государств. В Византии море соединяло отдель-

¹⁴³ H. Délehay e. Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae. Bruxelles, 1902, p. 117.

¹⁴⁴ Lexicon Vindobonense, p. 26.

¹⁴⁵ Script. origin., p. 80.

¹⁴⁶ A. Ellissen. Analecten der Mittel- und Neugriechischen Literatur, Bd. IV. Leipzig, 1860.

¹⁴⁷ M. Mitteis — U. Wilken. Grudzüge ..., S. 429.

ные части страны. Прибрежные рыбацкие поселки, находившиеся даже на далеком расстоянии от Константинополя и Фессалоники, фактически являлись их пригородами. Население побережья Мраморного моря добывало себе средства к жизни тем, что сбывало рыбу в Константинополь. В житии Парфения Лампсакского говорится о жителе Мелиты, продававшим рыбу в столице¹⁴⁸.

Окрестности Константинополя издавна славилась рыбой. Тацит сообщает: „Византий имеет плодородную почву, обильное рыбой море, так как несметное количество рыбы, выходя из Понта и испугавшись наискось лежащих подводных скал, бросается в изгибы другого берега и относится к гаваням Византия“.

Крестоносцы поражались обилию рыбы в окрестностях Константинополя¹⁴⁹. Иоанн Камениата, рассказывая об окрестностях Фессалоники, пишет, что рыба служит обильной пищей для жителей как окрестных сел, так и самого города¹⁵⁰. Имеются сведения об искусственном разведении рыбы в прудах тех городов, которые не находились у моря. Так, по житию Константина (Ex Judaeis)¹⁵¹, в пруду недалеко от г. Никеи разводилось множество рыбы (на латинском языке это называлось vivarium): „λίμνιον ἰχθύων πλῆρες, βιβλίον τοῦτο καλεῖται ῥωμῆζων ἀνθρώποις“....

Рыболовством занимались в окрестностях города как жители столицы, так и пригородов и пригородных сел. Иоанн Златоуст относит *αλιείας* к бедноте¹⁵². Никита Хониат сообщает, что все население побережья Пропонтиды в окрестностях Константинополя занималось рыбным промыслом, имело в конце XII в. большой рыболовный флот, который мог быть использован даже в военных целях¹⁵³.

Судя по законам Льва VI о рыбной ловле, в окрестностях Константинополя рыболовство находилось в руках мелких рыболовецких товариществ, состоящих из лиц, которые имели дома на морском побережье¹⁵⁴. Подобные товарищества устраивали причал — *ἑποχή*; доход от продажи рыбы распределялся пропорционально величине участков земли членов товарищества. Лев VI изменил этот порядок: доход от улова рыбы, согласно новелле этого императора, должен был распределяться равномерно между членами товарищества (новелла имела в виду мелких землевладельцев), независимо от размеров их земельных участков, так как, говорится в законе, делится доход не от земли, а от моря.

Новелла СII Льва VI относительно рыболовецких объединений предписывает включать мелкие рыболовецкие хозяйства в более крупные объединения, — даже в принудительном порядке.

В Книге епарха содержится запрещение продающим рыбу коптить ее или продавать иногородним: слово *ἀπεμπολοῦσι* может относиться только к самим рыбакам, так как в другой статье продажа рыбы на месте ловли названа *ἀπεμπολήσις*. Таким образом, жителям пригородных рыбацких поселков фактически было запрещено продавать рыбу кому бы то ни было из „иногородних“; улов мог быть продан только ихтиопратам в столицу, или же рыбак лично должен был везти рыбу на рынок. Это положение сохранилось также и после завоевания Византии турками¹⁵⁵.

¹⁴⁸ PG, t. 114, col. 1348.

¹⁴⁹ Odonis de Diogilo. PL, t. 86, col. 1227.

¹⁵⁰ PG, t. 101, col. 532.

¹⁵¹ AASS Novembris, IV, 643.

¹⁵² PG, t. 51, col. 192; t. 59, col. 30.

¹⁵³ Nicetas Choniata. Historia, p. 494, 495, 497.

¹⁵⁴ Jus, III, p. 203.

¹⁵⁵ R. Janin. в ред. на С. Zoras. Le corporationi Bizantini. „Échos d'Orient“, 1933, p. 120.

В Книге эпарха нет данных в том, как оформлялись обязательства рыбаков снабжать рыбой ихтиопратов. Однако, привлекая материал поздних папирусов, можно предположить, что товарищества вступали с торговцами рыбой в договорные отношения. Сохранился греческий папирус 675 г., в котором приведено обязательство старшины рыбаков Аврелия представить 220 ἀργύρια ὀψάρια, причем указывается, что обязательство принято с согласия членов товарищества τῶν ὑπ' ἐμὲ ἀλιέων¹⁵⁶. Рыбаки, объединенные в товарищества, имели свои корабли и располагали большими возможностями для рыбной ловли.

Упомянутые в Книге эпарха σκάλα — причалы для рыбацких лодок на берегу — часто встречаются в актах монастырей. На этих σκάλας устраивались особые приспособления для закрепления лодок (отсюда соответствующий налог σκαλιατικόν)¹⁵⁷.

Агиографическая литература содержит данные о бедных рыбаках, все достояние которых состояло в неводе. В житии св. Фомаиды рассказывается о том, как рыбак, у которого волнами унесло невод, попал в безвыходное положение. Он считал, что в результате потери τῆς ἐπιστήμης ὀργάνων, ὡς εἴρηται, τελείαν πεπονθότι ἀπολείχων¹⁵⁸.

Рыбацкие лодки — σκαθάκια — имели немалое значение для крестьянских хозяйств. Они облагались большим налогом. Из актов видно, что иногда семья владела не целой лодкой, а половиной ее и платила налог за половину лодки¹⁵⁹. В связи с большим развитием рыболовного промысла множество лиц из беднейших слоев населения занималось изготовлением сетей и неводов для рыбаков¹⁶⁰.

Евстафий Фессалоникийский сообщает о σπαρτῖναι — плетущих нити с грузилами для рыбаков¹⁶¹. Этот вид производства можно считать идентичным с упомянутым у Гарменопула (2, 4, 21).

Рыболовством занимались и более крупные собственники. В Василиках предусматривается использование рабов в рыболовных промыслах, говорится о рабах τοῖς ἀλιεῦσι ἐφεστώτας... Судя по новелле Льва VI, предоставлявшей землевладельцу приморского участка исключительное право рыбной ловли в прилегающей части моря, использование рабов надо считать вполне вероятным.

Монастыри владели кораблями-однодревками, иногда освобождаями от налогов. Это — рыболовные суда „однодревки с полным оборудованием для рыболовного дела“ μονοξύλα δύο μετὰ πάσης τῆς ἀλευτικῆς αὐτῶν ἐπιστήμης (Фил., III, 72).

Соляные варницы находились юридически в собственности государства, но государство либо предоставляло их в качестве дара церкви, либо сдавало в аренду. В V в. Александрийский патриарх захватил в свои руки соляные варницы, принадлежавшие городу. Соляные варницы были в окрестностях Фессалоники. В 688 г. Юстиниан II передал эти варницы в собственность κυριεύειν τὴ αὐτῆς καὶ δεσπόζειν с правом извлекать доход εἰς οἰκίαν ἀποφέρεσθαι κέρδος — πᾶσαν τὴν ἀλίαν τὴν οὖσαν καὶ... προσπαρχαζομένην ἐν ... Θεσσαλονικίῳ... Известно, что императорские солеварни находились и в окрестностях Смирны (πρόσταγμα 1238 г.)¹⁶².

¹⁵⁶ Pap. Ross. Georg., III, № 53.

¹⁵⁷ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges, 9. 41; 46. 7.

¹⁵⁸ AASS Nov., IV, 240.

¹⁵⁹ F. Dölger. Op. cit., 9.

¹⁶⁰ PG, t. 59, col. 30, M. Ψέλλος. Ἱστορικοὶ λόγοι..., т. V, σ. 58.

¹⁶¹ Εὐστάθιος Θεσσαλονίκης. Παρεχβολ., σ. 191, 33; F. Ducange. Glossar. graec., I, 418.

¹⁶² MM, IV, p. 284.

В схолиях к Василикам говорится о разрешении заключать соглашения относительно совместного сбора пошлин с гаваней, ворот и солеварен: καὶ ἐπὶ δημοσίῳ τελείματι ὁποίου ἐστὶν τὸ τοῦ λιμένος καὶ τῶν πυλῶν καὶ τῶν ἀλικῶν...¹⁶³. Это указание на сбор пошлин с солеварен свидетельствует о том, что в них работали не государственные рабы, то есть солеварни находились в руках частных сьемщиков.

В поздних актах солеварни перечислялись наравне с виноградниками как собственность монастырей¹⁶⁴. Ксенофонтский монастырь περὶ τὴν Καλαμαρίαν в метохе Станий имел соляную варницу — ὕδα χέκταται καὶ ἀλείν ἢ τοιαύτη μονή¹⁶⁵.

В том пригородном метохе, к которому относились эти варницы, поселились „свободные — бедняки и не вписанные ни в какие практики“ — ἐν ἡ προσκαθήμεναι καὶ τινες πτωχοὶ ἐλεύθεροι καὶ μὴ καταγεγραμμένοι ἐν πρακτικοῖς τινῶν. Здесь термин προσκαθήμενοι, очевидно, означает лиц, живших на земле монастыря менее 29 лет. Нужно думать, что именно они и работали на соляных варницах. Из 22 крестьян этого монастыря, как отмечает Г. Острогорский, половина вовсе не имела ни земли, ни скота, а остальные поражают своей нищетой, — очевидно, это и были работники на соляных промыслах¹⁶⁶. Но эти проскафимены — еще не крепостные. Это бедняки — πτωχοί, которые из города устремлялись на заработки в пригородные монастырские метохы; поселяясь здесь на постоянное жительство, они по прошествии 30 лет делались зависимыми людьми.

* * *

Что касается вопроса о кораблестроении, то на основании отрывочных данных мы можем заключить, что оно осуществлялось главным образом в пригородах. Основная рабочая сила — τέκτονες καὶ καλαφῆται, т. е. плотники и конопатчики, набирались из пригородных сел.

В папирусе VIII в. говорится о подготовке εἰς ναυπηγικὸν καὶ καλαφαιτικὸν ἔργον из пригородных сел — διὰ τῆς πόλεως καὶ συστατικῶν χωρίων (710 г.)¹⁶⁷. В черте города Константинополя был особый квартал ἐξάρτυσις, где производился ремонт кораблей. Вне черты города, против Влахернского дворца, на северном берегу Золотого рога, был другой квартал, в источниках также называемый ἐξάρτυσις (πέραν ἑνδὸν τῆς Ἐξαρτήσεως)¹⁶⁸.

Никита Хониат упрекал императоров в том, что они ради собственного развлечения — охоты — не разрешали рубить лес для постройки кораблей: очевидно, речь шла о лесистых горах в окрестностях Константинополя, где устроены были охотничьи заповедники.

Предмestья городов служили также и местом для торговли: не всегда было выгодно допускать торговлю с иностранцами в самом городе.

В Книге эпарха говорится о меновой торговле с болгарами и представителями других народностей. С разрешения эпарха уполномоченные некоторыми цехов должны были отправляться к прибывшим „племенам“ εἰσπυλῶσθαι... ἐν τοῖς ἔθνεσιν (IX, 4). Это — не единичное сообщение такого рода: в своих советах Кекавмен отмечает, как опасно производить торговлю с иностранцами вблизи от города, причем он приводит

¹⁶³ Bas., 12, 157, schol. 3.

¹⁶⁴ См. акты Ксенофонта монастыря. ВВ, т. X, стр. 38, 54, 62, 63.

¹⁶⁵ Xenophon, VIII, 57.

¹⁶⁶ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. Byzantinoslavica, 9, 1948, стр. 274; его же. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine, Bruxelles, 1956, p. 69.

¹⁶⁷ Pap. Ross. Georg. IV, 6.

¹⁶⁸ H. Déliehayе. Synaxaris, 21.

конкретный случай захвата города Димитриады иностранцами, прибывшими для торговли.

Рынок, как уже говорилось, устраивался вне города. Очевидно, вне города имелись и удобные загородные пристани (таких пристаней было много близ Константинополя и Фессалоники). Стороны присягали, давали друг другу заложников и открывался торг¹⁶⁹.

Интересно отметить, что вблизи Константинополя были удобные места для торговли. Со стороны Мраморного моря, как раз на дороге Via Egnatia, в Гебдомоне была устроена гавань с молом, защищавшим ее от южных ветров. Европейский берег Босфора (Σθενού) был усеян поселениями, в которых производилась оживленная торговля. Прокопий пишет, что на Анапле (так назывался европейский берег Босфора) был построен храм, перед ним находилась широкая площадь с большой каменной дамбой, к краю которой приставали корабли: „живущие у моря торговцы на своих грузовых лодках пристаю к краю каменной дамбы и с палуб судов продают свои товары тем, которые находятся на земле“¹⁷⁰.

Особенно важное значение для торговли с Северным Причерноморьем имел порт св. Маманта. Местность вблизи этого порта носила характерное название Φιλέμπορος — „друг купцов“. Как известно, в X в. у „святого Мамы“ останавливались русские купцы. В районе монастыря св. Маманта находились не только пристань и гостиница для приезжающих русских купцов: там были и ряды „эмволы“, так называемые новые эмволы — νέος ἐμβολος¹⁷¹. Там же имелись и другие портовые пункты: Михаэлион, Сосфений и Калос Аргос. Интересно отметить, что как раз близ этих важных торговых пунктов находились владения таких византийских государственных деятелей, как Тарасий, Василиск, Заудес-Стилиан¹⁷². На азиатском берегу были расположены гавани: Дамалис у Христополя; построенная при Юстиниане гавань „Евтропия“ и порт Гиера; торговая гавань Руфиниана¹⁷³, Полиатикон, Сатира, Бриас, Карталимех и на Принцевых островах — порт Принкипа¹⁷⁴.

Правила константинопольских торговых корпораций стесняли столичных купцов в их торговой деятельности вне Константинополя: представителям некоторых категорий купечества буквально запрещено было путешествовать¹⁷⁵. Эти стеснения были выгодны купцам из пригородов, — чем и объясняется в известной мере устройство торговых гаваней в пригородах.

В окрестностях городов жило много евреев. Еврейские общины ремесленников и торговцев в силу своего религиозного единства легко поддерживали связь между собою. Они вели оживленную торговлю.

Эти сведения относятся ко времени после XI в. Сообщения Вениамина Тудельского дают типичную картину торгово-ремесленного быта еврейских общин в средневековом городе и его предместьях^{1,6}.

* * *

Как нам уже приходилось отмечать, в окрестностях большого города находились села как свободных крестьян, так и париков. Из этих сел

¹⁶⁹ В. Г. Васильевский. Советы и рассказы византийского боярина XI в. ЖМНП, ч. 215, 1881, стр. 286.

¹⁷⁰ Прокопий. О постройках, 1, 8, 9 (пер. С. П. Кондратьева).

¹⁷¹ Chronica Paschala, I, 598. Ср. R. Janin. Constantinople byzantin, p. 93.

¹⁷² Chronica Paschala, pp. 428, 437.

¹⁷³ Vita S. Auxentii. PG, t. 115, col. 1413, 1416.

¹⁷⁴ R. Janin. Op. cit., p. 222.

¹⁷⁵ Книга эпарха, VI, 12.

¹⁷⁶ Ph. Koukoules. Mélange J. Bidez. Paris, 1935, p. 32.

в случае войны и осады города набиралось τὸ πᾶν κινὸν ἀλλάγιον. Эти же села давали людей на выполнение *munera sordida*.

Подвластные села монастырских метохов тоже облагались повинностями. В 1092 г. монахи св. горы, владевшие метохом „св. Андрея“ в предместьях Фессалоники, просили императора освободить париков этого метоха от различных повинностей — ἀγγαρείας κοπῆς καὶ καταβίβασμοῦ οἰκιστήτινος ξυλῆς παροχῆς καρβῶνων καὶ ἐτέρας ἀπάσης ἐπηρείας ἐξ οἰκιστοποτοῦν ἀφορμῆς ἐπερχομένης¹⁷⁷. . . κοπῆς καὶ καταβίβασμοῦ οἰκιστήτινος ξυλῆς ἢ μετακομιδῆς ἐτέρου εἶδους¹⁷⁸.

Из этого совершенно очевидно, что пригородные села, чьи бы они ни были, обязывались заготавливать для нужд города древесный уголь и дрова по приказанию властей, провозить грузы по указанию императорских грамот. Эти повинности пригородного крестьянства носили весьма устойчивый характер. Одни и те же повинности упоминаются грамотами XI и XIV вв. Изменения в терминологии были несущественными: вместо καρβῶνις καρβωνίου стало употребляться καμίνων καῦσις, вместо καταβίβασμός ξυλῆς — ξυλόσυρμα.

Население окрестностей крупного города находилось, таким образом, в своеобразном положении: с одной стороны, благоприятные условия для ведения мелкотоварного хозяйства (наличие города с почти неограниченными возможностями сбыта на рынке) создавали особые преимущества для занятия всякого рода ремеслами, для выгодной продажи продуктов огородного, садового, животноводческого хозяйства. Пригородное крестьянство располагало широкими возможностями обогащения и превращения в бюргерство. Но, с другой стороны, население городских предместий должно было выполнять множество повинностей (*munera sordida*), связанных с потребностями большого города. К тому же это население в основном жило на участках, являвшихся собственностью крупных константинопольских вельмож.

Все противоречия товарного хозяйства, обслуживавшего феодальное общество и в то же время стесняемого феодальными порядками, проявлялись с особой четкостью именно в жизни трудового населения предместий города. При любом волнении в городе положение обострялось тем обстоятельством, что трудящееся население предместий имело возможности проявлять свое недовольство совместно с городскими массами (этому вопросу будет посвящено специальное исследование). Выступления народных масс в крупном византийском городе отражают, таким образом, интересы не только горожан, но и сельского населения, вовлеченного в товарное производство. Товарное производство, характерное для хозяйства пригородов и подгородных районов, настолько прочно связывало население предместий с большим городом, что не могло быть и речи о самостоятельных экономических требованиях со стороны жителей подгородных районов.

Производство в предместьях (ремесло, товарное сельское хозяйство) принципиально не отличалось от городского ремесла и городского садоводства и огородничества. Так же как и в большом городе, население подгородных сел работало не на узкий, местный, а на широкий рынок многолюдного центра внешней торговли. Если огромная часть византийского крестьянства вела натуральное хозяйство, то сельскохозяйственное население пригородного района вело типичное „подгородное хозяйство“, о котором писал В. И. Ленин в своем труде „Развитие капитализма

¹⁷⁷ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges, S. 14.

¹⁷⁸ Ibid., SS. 35, 85.

в России". В этом исследовании В. И. Ленин касается не только развития подгородной деревни в пореформенной России, но дает теоретические обобщения особенностей подгородного хозяйства вообще, закономерностей развития всякой деревни, которая с усовершенствованием путей сообщения принимает характерные черты подгородной. „Нам остается еще сказать, — писал В. И. Ленин, — несколько слов о *подгородном хозяйстве*. Отличие его от вышеописанных видов торгового земледелия состоит в том, что там все хозяйство приспособилось к какому-нибудь одному главному, рыночному продукту. Здесь же мелкий земледелец торгует всем понемножку ... и своим двором, и своею лошадыю, и всяческими продуктами своего сельского и дворового хозяйства — хлебом, кормом для скота, молоком, мясом, овощами, ягодами, рыбой, лесом и пр. ...“¹⁷⁹.

Конечно, в основе хозяйственной жизни Византии лежало натуральное хозяйство: в этих условиях в подавляющем большинстве деревень Византии возможно было только товарное обращение излишков, а не товарное производство: „Как известно, товарное обращение предшествует товарному производству...“¹⁸⁰.

Но в подгородных районах хозяйство крестьянина под влиянием экономики города-эмпории постепенно становилось на путь развития товарного производства и поэтому подчинялось его общим законам. Поэтому, несмотря на неразвитость товарно-денежных отношений в докапиталистический период, в тех районах, которые были уже вовлечены в товарное производство, должны были складываться иные производственные отношения, нежели в тех районах, которые еще не были вовлечены в товарное производство и где существовало только товарное обращение излишков.

Вовлечение в товарное хозяйство быстро разлагало родовые связи и на место родовой собственности на землю, на место собственности общины появилась полная частная собственность — *dominium plenum*, характерная для товарного производства.

Яркий пример перехода родовой собственности в частную вблизи города Фессалоники был указан Е. Э. Липшиц: земля драгувитов — собственность рода — здесь перешла в частную собственность. Драгувиты, поселившись недалеко от Фессалоники, оказались вовлеченными в экономические связи с городом; это привело к возникновению имущественной дифференциации в роде; родовая собственность перешла во владение, а потом и в полную собственность богача — одного из членов этого рода¹⁸¹.

Так, под влиянием товарных связей на месте общинной собственности на землю появляется частная собственность, объекты которой могут оставаться в руках городской светской знати, переходить церковным сеньориям; товарное производство не является непримиримой противоположностью феодальной собственности, но во многих случаях именно вследствие развития товарного производства разрушается родовая и общинная собственность и возникает феодальная собственность на землю.

¹⁷⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 265.

¹⁸⁰ Там же, стр. 485.

¹⁸¹ См. Е. Э. Липшиц. К истории славянских общин в Македонии VI—IX вв. Сборник, посвященный Б. Д. Грекову. М., 1952.